

ГЛАВА ПЕРВАЯ

По экстренному вызову на Станиславский жил-массив прибыл патрульный наряд. Подкатили оперативники уголовного розыска Ленинского РОВД, прибежал участковый. Вышла накладка, среагировали все, кто находился в квадрате.

Женщина кричала в трубку: «Убивают, убивают!» На просьбу хоть как-то конкретизировать ситуацию, прояснила: убивают не ее. В квартире этажом выше семейная ссора переросла в кровавую бойню.

Из выкриков явствовало: благоверная изменила мужу — мастеру литейного цеха с завода Кузьмина. Свою вину несчастная не отрицала, умоляла простить. Ее стенания слышал весь подъезд. Муж пришел с работы на час раньше, выпил для поднятия боевого духа и...

Когда микроавтобус РАФ влетел во двор пятиэтажки, патрульные на «уазике» уже находились там, только прибыли. Опергруппа возвращалась с задания, перехватила сигнал, находясь на соседней улице. Теплый вечер пятницы, конец рабочей недели... Начало лета выдалось жарким, милиция давно перешла на

летнюю форму — синие служебные рубашки, серые брюки, фуражки с кокардами.

Патрульные высадись из машины, задрали головы. В курсе был весь район, окно на четвертом этаже нараспашку, фальцетом голосила женщина, что-то с треском рухнуло — как бы не шкаф. Под кустами переговаривались зрители — жильцы окрестных домов.

— Уголовный розыск! — крикнул капитан Разин — осанистый 33-летний блондин с серыми глазами. Милиционеры не возражали, даже приободрились. — Оставайтесь здесь! — распорядился Алексей. — Выяснить, выходят ли окна на другую сторону дома. Если да, отправить туда человека. Островой, Шабанов, за мной!

Избиение продолжалось — донесся резкий крик.

Втроем они вошли в подъезд, взлетели на четвертый этаж. Под дверью 25-й квартиры, обитой дерматином, мялся молоденький лейтенант, видимо, участковый. Он тискал картонную папку, не зная, что делать. Вскинул руку, чтобы ударить в дверь, застыл, обернувшись на шум.

— Уголовный розыск, — представился Алексей. — Капитан Разин. Что тут у нас?

Лейтенант облегченно выдохнул, уступил место у двери.

— Лейтенант Носков... — он немного заикался, — участковым работаю, товарищ капитан, третий месяц всего, с контингентом плохо знаком... Соседи

ЧУЖИЕ ГРЕХИ

телефон оборвали... Полчаса уже эта пытка продолжается...

— Неблагополучная семья?

— Нормальная семья. Была, вернее... Визгун их фамилия, — участковый машинально глянул в папку, смутился. — Мужу и жене под сорок, есть ребенок шести лет. Мужик мастером на Кузьмина трудится, супруга — в отделе технического контроля на «бетонке»... Вчера еще начали... без рукоприкладства, но орали сильно — соседка из той квартиры, — Носков кивнул на дверь с табличкой «27», — участкового звала...

— Тебя, стало быть, — уточнил Разин.

— Так точно, — сквозь бледность на щеках проступил румянец. — Пришел, провел разъяснительную работу, объяснил гражданам правила социалистического общежития... Кто же знал, товарищ капитан? — казалось, участковый сейчас расплатится. — Мужик угрюмый был, но вел себя смирно, только косился не очень приветливо. Кто же знал? — повторил участковый. — Не дебошир — член партии, хорошие характеристики с работы, вроде охоту любит... Супруга тоже присутствовала, ребенка в комнату увела, а потом вернулась. Тихая такая, запуганная. Выгораживала мужа, мол, бывает, поругались, дело житейское. Соседка потом на лестнице поймала, давай информировать: дескать, баба с кем-то спуталась. Визгун узнал, взбесился, сам не свой стал — орал, матерился, ногами топал. Но руки вроде не распускал...

За дверью что-то ухнуло, посыпались удары. Густо матерился глава семьи. Визжал ребенок, визжала женщина. Носков опомнился, забарабанил кулаком в дверь — теперь не страшно.

— Откройте, милиция! — Голос юного лейтенанта сорвался на фальцет. — Немедленно прекратите противоправные действия!

Из-за двери ответили — куда идти и что там делать. Лейтенант вспыхнул, отпрянул от двери, словно в лоб получил, беспомощно уставился на капитана уголовного розыска.

— Детский сад в натуре... — процедил сквозь зубы старший лейтенант Денис Шабанов, живое воплощение анекдота про хулигана Васю, который за драку загремел в милицию, где и проработал до самой пенсии. — Подвинься, лейтенант. Чего вертишься, как спутник?

Он оттер участкового, примерился к двери.

В текущем году в Москве было создано первое в стране специальное подразделение в составе МВД для выполнения особых миссий: захвата опасных уголовников, вооруженных криминальных групп, прочих ответственных мероприятий, требующих участия подготовленных специалистов. В некотором роде эксперимент. В прочих городах и поселках таких подразделений не было — выкручивались сами.

Шабанов хищно оскалится, напрягся и вдруг застыл: из недр квартиры донесся душераздирающий

крик — попутно с трескучими ударами. Словно рубили мясную тушу. Стало нехорошо, комок подкатил к горлу. Попятился Носков.

— Что же он творит, упырь? — пробормотал, бледнея, Мишка Островой — статный русоволосый парень с открытым лицом.

Крик продолжался долго — менялись только громкость и интонации. Потом оборвался, перешел в хрип. Шабанов ударил плечом — дверь держалась. Повернулся спиной, двинул пяткой. Хрустнуло в замке.

— Охотой, говоришь, увлекается? — встрепенулся Алексей. — Денис, давай осторожнее...

— Да ладно, командир, — Шабанов ощерился, — не Нельсона Манделу освобождаем... — но все же сместился к стене — мало ли что.

За дверью взревел бык — и в тот же миг грохнул выстрел, долбанул по ушам! Стреляли из охотничьего ружья, причем неслабого. В двери образовалось рваное отверстие размером с кулак. Такое же — в двери напротив, с табличкой «27». Там испуганно завизжали, зашлепали тапки — любопытной Варваре чуть нос не оторвали!

Капитан присел от неожиданности. Ахнул Носков, пуля прошла практически рядом. Мишка Островой скатился по ступеням, сел на корточки, схватившись за перила. С этим все ясно: умирать нам рановато, жизнь на старте, красавица жена, ребенка надо на ноги поднимать, который через пару месяцев родится...

Прогремел второй выстрел — с меньшими разрушениями. Меткий стрелок угодил в косяк. Требовалось время для перезарядки охотничьей двустволки.

— Ах ты, падла... — расвирепевший Шабанов всей своей массой ударил в дверь.

Ослабевшая конструкция развалилась, вылетел замок вместе с шурупами и огрызками дерева. Шабанов первым ворвался в квартиру, за ним Разин. Пистолет Макарова покинул «сбрую», рукоятка привычно поместилась в руке. Квартиросъемщик грязно выражался, перезаряжал ружье. Крепкий боров в тельняшке, волосатая грудь, кривые ноги торчали из-под семейных трусов. В целом мужик как мужик, но только не сегодня... По квартире стелился пороховой дым, смешанный с запахом алкоголя, сверкали воспаленные глаза. Этот тип еще не понял, что натворил. Взревел, как носорог, отбросил ружье, сообразив, что не успеет зарядить.

Оружие пока не применяли — по инструкции можно, но замаешься писать объяснительные и проходить проверки.

Шабанов набросился на мужика, чтобы скрутить, но получил отпор, отлетел обратно. Дениска тоже не стеснялся в выражениях, но в данную минуту это не было подспорьем. Пистолет, направленный в грудь, преступник проигнорировал, бросился в дальнюю комнату, кажется, распахнул балконную дверь.

— Взять его!

Пробегая мимо супружеской спальни, обитой выцветшими обоями, Алексей не удержался, заглянул внутрь. И стал, оторопевший, волосы зашевелились. Вся комната была забрызгана кровью. Кровь была везде — на стенах, на потолке, на выцветшем коврик под кроватью. В углу под батареей сидела маленькая девочка с забавными косичками, прижимала к глазам ладошки, чтобы не видеть этот ужас. Визгун ее не тронул!

Машинально отложилось в голове: сегодня 1 июня, Международный день защиты детей. В луже крови лежала женщина в домашнем халате, судорожно подрагивала, блуждали глаза. «Добрый» муж отсек ей руку выше запястья! Топорик, выкованный из цельного куска металла, валялся рядом с отрубленной конечностью. Над второй рукой он тоже потрудился, но не довел дело до конца. Рука держалась на сухожилиях и лоскутах кожи. Вот тебе и хваленый быт в дружной ячейке общества... Нехарактерное явление для советской страны! Так, кое-где, в качестве исключения из правил... Кровь вытекала из отсеченных конечностей, расплзлась по коврику, по крашеным половицам. Предательская тошнота уже подступила, Алексей попытался в коридор.

— Носков, срочно «скорую»! — взревел он. Где этот чертов участковый? Застенчиво мнется на пороге? — И наложить жгуты потерпевшей!

Капитан бросился в дальнюю комнату. Какие же демоны таятся в глубинах человеческой души! Дура

набитая эта баба — разводиться надо было, а не гулять на стороне!

Участковый Носков, похоже, добрался до пострадавшей — парня вырвало.

— Алексей Егорович, он с балкона сиганул! — с какой-то обидой выкрикнул Островой.

Ну что за народ — ни на минуту нельзя одних оставить! В дальней комнате стоял черно-белый телевизор «Сигнал», стенка средней паршивости местной мебельной фабрики. До зала семейные страсти не докатились, ограничились спальней, возможно, кухней. Капитан выскочил на балкон, где уже находились оперативники. Визгун оказался ловким, несмотря на габариты, прыгнул не на землю (к сожалению), а по диагонали вниз — на балкон квартиры в соседнем подъезде. Под гул собравшейся во дворе толпы переваливался через перила. Балкон был пустой, места хватало. Визгун обернулся, показал прокуренные зубы. Разум в голову, похоже, не возвращался.

— Визгун, стой, стрелять будем! — выкрикнул Островой. — Не отягощай, ты уже достаточно накуролесил!

— Леха, разреши шамальнуть? — взмолился Шабанов. — Он же не мишень, а загляденье! Ну давай, не насмерть — в ногу...

Милиционеры, стоящие внизу, сообразили — действительно, сколько можно изображать зрителей? Двое бросились в подъезд.

Разин на глазок оценил расстояние — не понравилось. Преступник был на кураже, об опасности не думал.

— Отставить! Упырь не вооружен, замаемся потом отписываться. Так возьмем.

Визгун тряхнул балконную дверь, выломал шпингалет и вторгся в квартиру. Донесся женский вопль. И там баба! Картинку можно представить — чудище с воспаленными глазами, в трусах и тельняшке! Все это смахивало на преступное бездействие.

Алексей бросился с балкона:

— За мной!

В спальне над пострадавшей возился участковый — давился рвотой, но что-то делал. «Скорая» еще не приехала — она не реактивная.

Алексей скатился по ступеням, отбросил подъездную дверь — лязгнула пружина. Шабанов наступал на пятки, перехватил ее, иначе огреб бы по лбу. Алексей влетел в соседний подъезд, запрыгал через ступени. На площадке третьего этажа мялись милиционеры. За дверью снова голосила женщина. Державю какое-то...

— Мужики, выносите дверь — под мою ответственность. Считайте это приказом...

Вынесли исправно — в две ноги. Дверь легла, оторвавшись от петель. По ней ворвались в квартиру. Данное жилище было просторнее предыдущего и обставлено лучше: цветной телевизор в гостиной — львовский «Кварц»; стенка — вроде даже

импортная, пол устилал ворсистый ковер ручной работы.

В квартире до появления Визгуна находилась только квартиросъемщица. Смертельно испуганная, она заперлась в ванной, подавала оттуда сигналы бедствия. Возможно, преступник планировал взять ее в заложницы, чтобы вырваться. Куда он, интересно, собрался в одних трусах?

Отчаянный вопль огласил прихожую. Визгун двинулся в рукопашную, мелькнул здоровенный кулак. Капитан Разин оказался на острие атаки, ударил плечом в корпус, как обучали на занятиях по рукопашному бою, погрузил свой кулак в рыхлый живот. Развивая успех, вывернул руку — преступник взвыл от боли, скорчился. Подбежавший сержант ударил ногой в живот, дал по загривку сцепленными в замок кулаками. Не удержался и Шабанов — пнул подонка по ноге, потом еще раз — и совершенно не хотелось его останавливать.

— Эй, гражданка, выходите! — Островой ударил по двери в ванную комнату. — Это милиция, опасность миновала!

Но гражданка не спешила выходить, хотя и притихла. Во дворе послышалась сирена — прибыла «скорая».

Милиционеры вытащили сникшего Визгуна во двор. Руки преступника сковали наручниками. Водитель милицейской машины распахнул зарешеченный отсек. Визгун тяжело дышал, был бледен как смерть.

— Ну, ты debil, — покачал головой Шабанов. — Кукушка полетела, приятель? Хотя сейчас соображаешь, что натворил?

Визгуна стали загружать в машину — он начал упираться, хрипел, чтобы его отвели к его Наденьке, он должен быть рядом. Он ни в чем не виноват, потому что не помнит, что делал! Он законопослушный член общества! На этих словах Шабанов отвесил ему оплеуху, схватил за шиворот и затолкал в машину. Брезгливо вытер руки о штаны, проворчал:

— Вот же мразь. Уже не выйдет, пусть даже не надеется...

Задержанный выл как волк на луну, просил прояснить снисхождение, дать возможность вернуться к семье. Твердил без умолка: «Наденька моя, Варюша моя...» — и от этого становилось тошно до предела.

Машина ушла, Алексей облегченно вздохнул. Медики вынесли из квартиры на носилках пострадавшую, погрузили в салон. С головой не укрыли, значит, жива. Водитель включил сирену, и «скорая» подалась со двора.

Часы показывали начало седьмого. Вечер по-прежнему был тихим и томным. Под кустами шушукались жильцы — тема для обсуждения была значительной. Прибыла старая, но хорошо сохранившаяся «Волга ГАЗ-21», вышли двое представительных мужчин с чемаданчиками.

— Мое почтение неутомимым труженикам, — приветствовал оперов старший эксперт-криминалист

Борис Давыдович Колкер — мужчина полностью седой и без двух минут пенсионер. — И что вы на сей раз натворили, молодые люди?

— Мы натворили? — на всякий случай уточнил Островой.

— А я что сказал? — эксперт простодушно хохотнул. — Ведите, друзья мои, говорите и показывайте...

Освободились лишь к семи вечера, устали как собаки, настроение было траурное. Криминалисты жались — ладно, ступайте, закончим без вас. Соседка снизу забрала девочку, пообещав связаться утром с социальными работниками. Малышка шмыгала носом, утирала глаза кулачками. Прибыл слесарь из ЖЭУ (пока еще трезвый), угрюмо уставился на выломанную дверь 25-й квартиры. В ней зияла дыра размером с Ленинский район. Потом исследовал вторую дверь, в 27-ю квартиру, где дыра была чуть меньше. Перебрался в соседний подъезд, оценил тамошние разрушения. Вернулся огорченный, с укором уставился на милиционеров.

— Ну а что? — немного смутился Шабанов. — Милицейские будни, дядя. Слушай, Леха, а нам за это ничего не будет?

— Я тебе не Леха, — огрызнулся Алексей.

— А кто? — удивился подчиненный.

— Сегодня — Алексей Егорович, желательно шепотом. Как вариант — «товарищ капитан».

— Плохи дела, — резюмировал Островой. — Потеряем премию, уйму времени на сочинение объяснительных... А в чем мы виноваты-то? Под огнем, можно сказать, работали.

По телефону в 25-й квартире Разин позвонил в 3-ю клиническую больницу, куда увезли потерпевшую. Больная на операции. Пока жива, но потеряла много крови. Исход неясен. Вторую руку пришлось ампутировать — ввиду полной невозможности ее сохранить. В данный момент находится без сознания.

— Какой же урод... — шипел Островой. — В голове не укладывается... Нет, бывает, конечно, что по ревности просто убивают, но чтобы вот так... — он замолчал, решив не продолжать.

— А ты бы, Мишка, что сделал, если бы Юлька тебе изменила? — с подковыркой спросил Шабанов.

— Дал бы тебе в морду, — разозлился Михаил. — А потом... — задумался, начал бледнеть.

— Достаточно, — перебил Разин. — Начнем воспринимать чужую боль — выродимся как работники. В общем, дуйте домой и на всякий случай сидите на телефонах. А я поставлю «рафик» и отмечусь в отделе, надеюсь, не задержусь. Пятница как-никак.

— Уверены, товарищ капитан? — осторожно спросил Островой. Глаза у парня зажглись. Принял физкультурную стойку Шабанов.

— Проваливайте, — поморщился Алексей. — Пока не передумал.

Одиннадцать лет назад союзное Министерство охраны общественного порядка переименовали в Министерство внутренних дел. Те же действия провели с республиканскими министерствами. В то же время советские милиционеры получили дополнительный выходной — субботу. Не всегда везло с этим днем, но случалось всякое. Могли вкалывать без выходных и праздников, ночевать на работе, забывать, как выглядят домашние. Но подобная практика, слава богу (и, конечно же, партии), отходила в прошлое. Бессменный с 1966 года министр Щелоков всеми правдами и неправдами поднимал престиж советской милиции. Отчасти удавалось, отчасти нет. Чиновники понимали — только отдохнувший работник может стать образцовым милиционером.

Через двадцать минут Алексей добрался до райотдела. Пятница чувствовалась и здесь — работников в здании заметно ubyло. У оставшихся наблюдалось приподнятое настроение. У кого-то дача на носу, у других — рыбалка, ремонт, беготня по базарам... Протопали по коридору заступающие в наряд сотрудники патрульной службы — закончился инструктаж у начальства. У этих оснований радоваться не было, но работа есть работа.

В отделе было как в продуктовом магазине — шаром покати, все разбежались. Впрочем, начальник отдела майор Варламов еще не покинул свой пост — выглянул из-за распахнутой дверцы шкафа. Он рылся в бумагах, часть папок валялась на полу. Поднимать

их Виктор Павлович не спешил — уборщица поднимет, не такие уж секреты. Прикрыл дверцу, направился к столу, вывалил на него стопку бумаг. Пылевое облако взметнулось к потолку, но майор успел отклониться.

— Нарисовался, не сотрешь, — проворчал он, опускаясь на стул. — Что с лицом, Алексей? Чувство вины или как это называется?

— Есть немного, Виктор Павлович, — согласился Разин, направляясь к своему столу, где царил относительный порядок. — Домой, я гляжу, не рветесь?

— Какое тут домой, — отмахнулся Варламов, — судьба моя такая — разгребать после вас. Наделаете — а кто выпутываться будет?

— Вы сейчас о чем?

— А то ты не догадался? — Варламов устремил на подчиненного тяжелый взгляд. Особой вредностью Виктор Павлович не отличался, самодурство не практиковал, но спросить мог жестко. Жилистый, рослый, с массивной угловатой челюстью и фактически седой головой — в прошлом месяце он отметил 58-летие. Бодрился, молодился, о заслуженном отдыхе даже не помышлял, но чувствовалось — устал человек. Да и партбилет в кармане неимоверно давил.

— Доложили уже о ваших успехах, — проворчал майор, делая недовольное лицо. — Почему вы оказались на Станиславском жилмассиве? В вашу задачу входило прибрать Мокрого, доставить в обезьянник

и с чувством выполненного долга разъехаться по домам. Решили вкусить трудности патрульно-постовой службы? Так это у нас легко — только попросите.

— Мимо ехали, Виктор Павлович, — Алексей состроил покаянную мину. — По рации передали...

— Стреляли? — съязвил Варламов, копируя Саида из «Белого солнца пустыни». — Ваше служебное рвение — да на прямые бы обязанности...

— Этот урод Визгун своей жене руки отрубил, — проворчал Разин. — Только не язвите, товарищ майор, что заслужила. Никто такого не заслуживает. Как же ей жить теперь?

— Может, и не придется, — Варламов поморщился. — Пять минут назад сообщили из больницы: Надежда Васильевна Визгун пребывает в крайне тяжелом состоянии. Критическая потеря крови. Ночь может не пережить. Случай действительно вопиющий, — Варламов почесал карандашом ухо. — Семейное насилие — наш бич, хотя и пережиток старины глубокой, — поспешил он добавить. — Всякое бывает — избивают мужья своих жен, порой жизни лишают — о чем потом искренне жалеют. Но чтобы вот так — руки топором... Интересно, что его надуумило?

— Можем спросить, — осторожно заметил Алексей.

— Да, обязательно спросим. Ладно, Алексей, что сделано, то сделано. Вы, по крайней мере, не мялись под дверью, как остальные. Благодаря вам пострадавшая еще жива, а Визгун не бегаёт по городу с окро-

вавленным топором. Что с Мокрецовым? Насколько я знаю, в следственном изоляторе арестанта с такой фамилией нет.

— Неудачно съездили, — покаялся Разин. — Сбежал гражданин Мокрый. Почуял опасность, собрал манатки — и на Восточный вокзал, где, кстати, взял билет до Красноярска и, скорее всего, уже в пути. Мы связались с линейными отделами на пути следования состава. Есть надежда, что возьмут.

— Или он сошел на первом же перегоне, где поезд сбросил скорость, — хмыкнул Варламов. — А то и вовсе взял билет для блезира, а сам покинул область на попутном транспорте.

— Может, и так, — согласился Алексей. — А я предупреждал, что такое может случиться. У Мокрецова информаторы везде, даже в милиции. Но нет, вам же хотелось все сделать по закону: получить дополнительные улики, санкцию от прокурора, который, как назло, приболел...

О возможном ограблении одного из отделений Госбанка СССР органы предупредил осведомитель. К сожалению, не знали даты и места. Охрану отделений усилили постовыми милиционерами. Налет состоялся, но на другое учреждение — Промстройбанк СССР.

Банковская система страны была не столь сложной, но все же насчитывала ряд организаций. Преступники имели свои источники информации. Но все же просчитались — в отделении, куда они нагрянули

в масках, улов оказался невелик. Но все же больше, чем ничего — порядка 50 тысяч рублей. Персонал проявил благоразумие, в драку не полез (деньги были не свои), милиционеры получили легкие травмы. Бандитов, участвовавших в акции, отловили в течение недели. Деньги не нашли. «Казначеем», по некоторым сведениям, был некто Мокрецов, бывший сотрудник Внешторгбанка, проходивший по делу о крупном мошенничестве. Отсидел пять лет, занимался сомнительными делишками, но вторично в поле зрения органов попал лишь на прошлой неделе... По всему выходило, что Мокрецов сделал ноги с деньгами. И искать его теперь будет не только милиция, но и обманутые подельники — те, что остались на свободе...

— То есть виноваты все, но не ты, — сдвинув брови, заключил Варламов.

«Именно», — подумал Разин.

— Я такого не говорил, товарищ майор. За Мокрецовым следовало установить наблюдение. Это моя недоработка. У нас же куча людей, которых нечем занять.

— Не юродствуй, — Варламов скрипнул зубами. — И что думаешь, Мокрецов пустился в бег, прихватив наличность?

— Да, Виктор Павлович. Это тысяч 50–60. Не плохо, но мало, — Алексей усмехнулся. — Едва хватит на безбедную жизнь. Все, товарищ майор, больше не шучу, простите. Если это сто- или пятидесятирубле-

вые купюры, то багаж не бог весь какой — все влезет в хозяйственную сумку. На что он рассчитывает, непонятно, но выбора человеку не оставили. Самое лучшее в его положении — забуриться в глухую деревеньку, зарыть деньги, отсидеться с полгодика... Банда обезврежена, мирные граждане не пострадали. Пропажа государственных денег, конечно, серьезная издержка...

— Ладно, разберемся, — Варламов стер ладонью пыль с верхней папки, покосился на подчиненного: — Что сидишь? Проваливай домой.

— Можно? — встрепенулся Алексей.

— Пока да. И молись, чтобы на выходных тебя не дернули.

— А вы?

— Посижу еще. — Виктор Павлович покосился на стену, украшенную переходящим вымпелом победителя социалистического соревнования с отрезанной головой В. И. Ленина (руки бы оторвать тому художнику). Вымпел получили три месяца назад — за отличные показатели в работе. Переходил он, похоже, долго, выцвел, истрепался, покрылся подозрительными пятнами, похожими на жировые.

Спешить начальнику уголовного розыска было некуда. Супруга скончалась от рака четыре года назад, потерю Виктор Павлович переживал мучительно, время не лечило. Другую женщину не завел, хотя обладал представительными данными. Дочь с семьей жила и работала в Хабаровске. В квартире вместе

с Варламовым проживала сестра покойной супруги — особа дородная, активная, неведомым образом получившая права на жилплощадь. Как такое произошло, Виктор Павлович не мог объяснить — воспользовалась горем человека. Суровый и жесткий на работе, в быту он был беспомощен и слаб. Никаких отношений со свояченицей не было и быть не могло, жили соседями. Единственная радость — кормила. Но сегодня ушла в ночное (трудилась по медицинской линии), ужин майора не ждал. Раз в три месяца Виктор Павлович взбрыкивал, клялся, что выгонит из квартиры эту «приживалку», но воз оставался на месте.

— Хорошо, товарищ майор, только не засиживайтесь, — Алексей дошел до двери, обернулся: — Кстати, Виктор Павлович, в трудные жизненные периоды помогают пельмени с мышатами. Покупаете три пачки, суετε в морозилку. Продукт, слава богу, не в дефиците. Пачки хватит на три холостяцких ужина — проверено. Эти изделия вполне можно есть — с оговорками, но можно.

— Да иди ты, — проворчал Варламов. — Погоди, а почему с мышатами?

— Старая легенда, товарищ майор. В чаны, где крутится фарш, регулярно соскальзывали мыши. Но, возможно, это был электрик, мнения разнятся. — Разин поспешил уйти, пока не прилетело чем-нибудь тяжелым.

Капитан милиции тоже проживал один — в левобережной части города, на улице Станиславского, застроенной помпезными «сталинскими» домами.

До работы было тридцать минут ходьбы, а если не ломался старенький отцовский «Москвич» — всего десять. Великая сибирская река делила полуторамиллионный город на две части. Миллион проживал на правом берегу, остальные — на левом.

Ленинский район, где жил и работал капитан Разин, находился в левобережье. Шестиполосная магистраль прорезала жилые кварталы, тянулась на три километра. Неподалеку — Дом Советов, средоточие партийной и советской власти района, напротив — помпезный монумент памяти павших на войне сибиряков. За монументом — обширный ухоженный сквер, любимое место отдыха горожан.

Район Алексею нравился, здесь отсутствовали промышленные предприятия, было много зелени. В зоне пешей доступности — колхозный рынок, любимый народом и переодетыми в штатское сотрудниками ОБХСС.

Алексей пристроил «Москвич» у торца здания, вернулся на улицу. В доме, где он проживал, работал магазин кооперативной торговли и магазин со странным названием «Радость». Точка, в принципе, продуктовая, внутри красиво, несколько отделов. В остальном — ничего радостного. Как в анекдоте: «У вас рыбы нет? — У нас мяса нет. А рыбы нет в соседнем зале».

Коопторг еще не закрылся, сквозь стекло матово проступала очередь к прилавку. Перспектива провести в магазине остаток дня совсем не окрыляла.

Всеобщий дефицит начался не сразу. В начале семидесятых в магазинах еще можно было что-то купить. С каждым годом ситуация ухудшалась, целые категории товаров переходили в разряд недоступных. То, что оставалось на прилавках, особенно в овощных магазинах, имело жалкий вид. Спасали дачи и походы на рынок — там было все, но втридорога. В остальном выручали знакомства, умение пролезть в игольное ушко. И это касалось не только товаров народного потребления, но и услуг. Без «мохнатой лапы» практически невозможно было получить качественную медицинскую помощь, отремонтировать машину, квартиру, получить нужную справку, съездить в санаторий. Огромные очереди становились спутником жизни — к прилавкам магазинов, за пивом, в ЖЭУ, в райсовет, в поликлинику, за билетами на поезд или самолет. Ползучая напасть накрывала все сферы жизни. Народ отрывался в анекдотах. «Уверенно идем к коммунизму, а есть нечего». — «Так кормить в дороге никто и не обещал».

Алексей покурил, прохаживаясь по тротуару. Подступали сумерки, машин становилось меньше, людей на тротуарах — больше. Лето начиналось без сюрпризов — не падал снег, не хлестали проливные дожди. Температура не опускалась ниже двадцати — даже по ночам.

Выбросив сигарету, он свернул во двор, заросший старыми тополями. С дороги дом смотрелся нарядно. С обратной стороны все было проще — выпа-

дали кирпичи, крошился бетон, скрипели разохшиеся двери подъездов. На заднем крыльце магазина курили грузчики, матерились вполголоса. Выпорхнула стайка — продавщицы разбегались по домам, волокли хозяйственные сумки. Наружу торчали палки колбасы, что-то еще — недоступное общей массе населения. И не подкопаешься — неликвиды, просрочка, всегда найдут объяснение. Такие реалии: тащи с работы хоть бы гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость...

Квартира на четвертом этаже осталась от родителей. Жилье выдавало государство — бесплатно, люди десятилетиями стояли в очередях, старились, умирали, не дождавшись собственных «квадратных метров». Счастливчики радовались обретенному жилью — в основном это были жилые массивы на окраинах, панельные пятиэтажки с крохотными комнатами. Стать владельцем кооперативной квартиры тоже было непросто — особенно людям с обычной зарплатой...

Родители погибли шесть лет назад — еще не старые, полные сил. Отец возглавлял районный отдел ОБХСС, ни копейки не украл за всю жизнь. Мама преподавала в институте легкой промышленности. В тот день сломался «Москвич» (он это делал регулярно), поехали на дачу на общественном транспорте. Большегрузный «КамАЗ» со сломанными тормозами снес загородную остановку, где стояли четыре человека. Медицина оказалась бессильна — части тел со-

бирали на обширной территории. Водитель «КамАЗа» почему-то выжил, даже получил какой-то срок.

Дачу Алексей продал в тот же год — коллеге из смежного отдела...

Окна квартиры выходили во двор. Вид из окна открывался только осенью — когда с тополей опадала листва. Деревья подступали к дому, ветки скребли по балконам. В квартире было пыльно, неуютно. Здоровые потолки, маленькая кухня, на удивление просторные комнаты и узкий санузел, в котором невозможно развернуться. Странно раньше строили, не то что сейчас — все дома и квартиры под копірку. Из мебели за последние шесть лет он купил только кухонный стол да телевизор — если можно его считать мебелью. Цветные «ящики» не признавал — не научилась еще отечественная промышленность клепать цветные телевизоры; аппараты ломались, краски были тусклые. И какая польза от этого цвета, если половина программ — черно-белые?

Не любил он сидеть дома — постоянно что-то гнало, осаждали призраки прошлого. Родители смотрели со стен.

Алексей полежал, вытянув ноги, помылся. Образ женщины с отрубленными руками уже не преследовал. Кухонный телевизор работал хуже, чем в спальне, по экрану плыли полосы. Не хотелось его смотреть. Все чаще на экранах страны появлялся Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев — не заметить эту тенденцию мог только человек, полно-

стью отказавшийся от телевидения. Плохих новостей в стране не было. Все шло по плану, страна цвела и хорошела, эпоха развитого социализма продолжалась уже лет пятнадцать. «За бугром» загнивал капитализм. А в СССР строили школы и детсады, вводили в строй немислимые кубометры жилья. Гремела и росла на глазах Байкало-Амурская магистраль — стройка века, ей посвящали песни и документальные фильмы. На БАМ устремлялись стройотряды, искатели приключений и алиментщики со всех уголков страны. Слово «БАМ» слышал каждый, но далеко не каждый искал на карте этот небольшой участок железнодорожной ветки, от которого не так уж много и зависело...

Пельмени «с мышатами» бодро прыгали в кастрюлю. Алексей стоял у плиты и помешивал воду, норовящую выплеснуться. Предстояли выходные, в которые нужно себя чем-то занять. Бормотал телевизор — про очередные достижения трудящихся под чутким руководством коммунистической партии. Если абстрагироваться от мелких неурядиц, неустройства, преступности, того же дефицита — страна переживала мирное время. Уверенность в завтрашнем дне стала фактом. Пусть небогатый будет день, не особо интересный — но все же спокойный и предсказуемый. Не было войн, вооруженных конфликтов, в которых участвовала бы страна. Война во Вьетнаме закончилась шесть лет назад — полным разгромом американской военщины. Конфликт на Даманском — и вовсе десять лет прошло. Высыпали ки-

тайцам, чтобы больше не лезли. Сами понесли потери и все же отстояли клочок суши на реке Уссури, которую опять же не каждый найдет на карте. Два дня шли тяжелые бои, а когда китайцы подтянули подкрепления, по ним ударили русские «грады» — преемники «катюш» — и все смешалось в кучу, конфликт сдулся, как воздушный шарик...

Завершилась война в Египте. Советский Союз помогал Ираку, Сирии, выбравшим социалистический путь развития. Многое тревожило — та же революция в Иране, где к власти пришли исламисты во главе с аятоллой Хомейни. Видимо, не лучший вариант — первым делом новые власти ликвидировали марксистские организации. Отношения с Китаем оставались сложными (напали зачем-то на Вьетнам, где, естественно, получили по шее и откатились), в Афганистане происходило что-то нежелательное. Начиналось нормально — свергли Дауда, ставленника капиталистов, у власти свои ребята — коммунисты во главе с Тараки. Но что-то не так, в стране пылает гражданская война, американцы подбрасывают дровишки в костер, и чем все это закончится, никому не известно. Тараки просил Советский Союз о военной помощи — политическое руководство сочло такое решение нецелесообразным. Будут дальше просить — жалобить, приводить аргументы. Главное, не вступать в войну, пусть все само образуется...

Пельмени переключали в тарелку. Вперемешку со сливочным маслом — вполне съедобно. Расслабле-